

СТИХОТВОРЕНИЯ 1900 — 1938 гг

ЗАКОНЧЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

ЭЙГЕР

С высоты привет тебе, заря!
Океаном облака клубятся,
А меж ними цепи гор таятся,
И сквозят, рубинами горя.

С высоты сияет небосклон —
И встает над бездною туманной,
Весь в огне и славе первозданной,
Древний Эйгер, как господний трон!

⟨Гриндельвальд,
середина ноября 1900 г.⟩

2

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Рдеют леса над вершиною дальней,
Сумрак в долинах разлит.
В сердце моем все нежней и печальней
Песня ночная звучит...

Кто ты, далекая? Чьи это очи
С тайною грустью глядят
В море безбрежное сумрачной ночи,
На потемневший закат?

Где ты свой день одинокий встречала?..
Сердцем давно я с тобой, —
С юности тайная дума связала
Нас, разлученных судьбой...

Меркнут леса над вершиною дальней...
О, отзовись мне! — Идет
Темная ночь — и в тиши все печальней,
Все безнадежней поет!..

⟨1900⟩

17 июля 1902 г. дача Гернета

БУНИН

Фотография. Одесса, 1902

На обороте надпись Бунина: «17 июля 1902 г.— дача Гернета»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

3

Ночного неба свод далекий
Весь в крупных звездах. Все молчит.
Лишь моря слышен шум глубокий
Да сердце трепетно стучит.
Стою, в тревоге ожиданья,
Исполнен радостных надежд...
И вот — шаги среди молчанья,
Шаги и легкий шум одежд!
И верю, и не верю счастью,
Гляжу с надеждою во тьму...
Ужель опять с блаженной страстью
Твои колени обниму?
Как ты, покорно и не споря,
Отдашься мне! Еще хранят
Твои одежды свежесть моря,
И в темноте сияет взгляд.
Нет, никогда уже не буду

С другой я счастлив! Эти дни
 За мною следуют повсюду
 И в сердце не умрут они.
 Ты первого меня любила...
 Никто, наперекор судьбе,
 Не возвратит того, что было,
 Не заменит меня тебе!
 Люблю, исполнен тайной муки,
 Люблю тебя, как светлый сон,
 И каждый горький миг разлуки
 Собою озаряет он.
 И пусть в нем было все случайно, —
 Благословляю день и час,
 Когда навеки сладкой тайной
 Судьба соединила нас!

<1901>

4

МРАМОРНАЯ ПРИСТАНЬ

Какие дни! Как светит золотая
 Аллея тополей!
 В садах разлита свежесть молодая
 Последних ясных дней.
 По гравию спускается аллея
 К песчаной полосе,
 Где, на прозрачном мраморе краснея,
 Лежит листва в росе.
 А ниже мрамор чистый и холодный
 И лодка на руле
 Качаются в прозрачности подводной,
 В лазурном хрустале.
 И долго-долго, глаз не отрывая,
 Гляжу я, как вода,
 К моим ногам на мрамор наплывая,
 Восходит иногда
 И вниз скользит, не насыщая взгляда,
 И счастьем красоты
 Зовет к себе, как юная наяда,
 Как Бёклина мечты!

<1901—1902>

5

ВАЯТЕЛЮ

Изваяй красоту из холодного белого мрамора,
 Изваяй нам мечту, к дерзновенному счастью призыв!
 — Задымился рассвет. Видны горы и небо лазурное,
 Белый город и синий залив.

Солнца луч золотой протянулся в окно твое пыльное,
 Брызги солнца резец рассыпает, звенит и поет —
 Из горячих лучей и холодного белого мрамора
 Красота восстает!

<Начало 1904 г.>

*Глубокоуважаемой
Фанни Карловне
Татариной от
Ив. Бунина*

Листопадъ

СБОРНИК «ЛИСТОПАДЪ» (М., 1904)

Переплет, выполненный в художественно-переплетной мастерской Ф. К. Татариновой, и шмуцитул с дарственной надписью:

«Глубокоуважаемой Фанни Карловне Татариновой, Ив. Бунин»
Собрание В. П. Нечаева, Москва

6

Луна полночная глядит
С пустого неба, пароход,
Луне навстречу, бороздит
Лиловый сплав Каспийских вод,
Луна из-за тугих снастей
Зеркальной кажется, светлей,
Под ней, на юг, в дали пустой
Играет отблеск золотой,
Как будто рыба чешуя,
А что за ней? Там тоже я,
Душа моя.

Ночь на пароходе
в Касп. море.
Июнь 1904 г.

7

Весна и ночь, и трепет звезд,
И свежесть трав лесной долины.
Над тишиной уснувших гнезд
Склонились темные вершины.

Гляжу в прозрачный сумрак их,
 Дышу весной — и предо мною
 Какой-то тайной неземною
 Вся ночь раскрыта в этот миг.

И эта тайна — откровенье,
 Моя душа и жизнь моя,—
 В ночном потоке бытия
 Звезды падучей отраженье.

⟨1904⟩

8

КАННЫ

Еще была зима, еще прибой жемчужный
 Кипел и день, и ночь,— еще сверкали в небе
 Вершины льдистых Альп и звонко под мистралем
 Звенели листья пальм в тепле садов дремотных.

Еще была зима, но уж цвели мимозы,
 Роняли нежный цвет лимонные деревья,
 И в зимнем забытии уж веял, веял вечной,
 Полуденной весной благоуханный ветер.

Еще была зима, но ты уж жил весной,
 Благословенный край! И долго, долго буду
 Я вспоминать твои задумчивые виллы,
 Весну твоих садов над темно-синим морем.

На свете счастья нет,— есть только жажда счастья
 И если так,— я был, я трижды был счастливым:
 Ты воскрешал меня, ты вел от смерти к жизни
 И усыпал мой путь цветными лепестками.

⟨1904—1905⟩

9

За морями всходит алый свет;
 Над морями льется бодрый холод.
 Свежий ветер радостен и молод,
 Закипает за кормою след.

Весь в росе, сверкая медью чистой,
 На восток уходит стройный бриг —
 И мелькают волны каждый миг,
 Рассыпаясь пылью золотистой.

Ночью, точно саван гробовой,
 Серый парус высился над нами;
 Ночью над шумящими волнами
 Он висел — ни мертвый, ни живой.

Но сменился сумрак ночи утром,
 Засиял бездонный небосклон —
 И налился свежим ветром он,
 Озаренный алым перламутром.

Режет бриг зеленых волн хрусталь,
 За волной волна его встречает
 И, встречая, ласково качает,
 А над ними — радостная даль,

А над ними — солнца бодрый свет,
 Светлый призрак, край обетованный...
 День свободы, яркий и желанный,
 День труда! Привет тебе! Привет!

<1905>

10

Что молодость! Я часто на охоту
 Весною езжу к Дальнему Болоту,
 Откинувшись в покойный тарантас,
 А Фокс сидит у ног моих — и глаз
 Не отрывает, бедный, от дороги,
 Скулит, дрожит от радостной тревоги
 И рвется в степь, глотая пыль колес...
 Что молодость! Горячий, глупый пес!

30.VI.07

11

Жгли на кострах за пап и за чертей,
 Живьем бросали в олово и серу
 За ад и рай, безверие и веру,
 За исчисленье солнечных путей.

И что ж! Чертей не пламя утешает,
 Не то, что злей ехидны человек,
 А то, что гроб, сожженный в прошлый век,
 Он в нынешнем цветами украшает.

2.VII.07

12

Идет тяжелый гул по липам.
 Пришел,дохнул, как в море вал,
 Согнул верхушки с тонким скрипом
 И сор в кустах заволновал.

Но нет, ты, ветер, тут бессилен:
 Тут нужен бешеный норд-ост,
 Чтоб из запутанных извилин,
 Из сучьев вырвать шапки гнезд.

И буря будет. И вороны,
 Кружась, кричат, что мир погиб,
 Что гнезда их — венцы, короны
 И украшения для лип.

10.VII.1907. Глотово

13

ЛУНА

Чалма на мудром — вот луна
 С ее спокойствием могильным.
 Луна светла и холодна
 Над Ак-Сараем, жарким, пыльным.

Взойди на кровлю и взгляни:
 Под ней и горы в небе чистом,
 И наши бледные огни
 В гнезде туманном и скалистом.

Она смирила шум дневной:
 Умолк и торг, и рев ослиный
 Под этой пыльной белизной,
 Под серебристой паутиной.

В выси далекий божий рай
 Горит, алмазами играя,
 И лишь один собачий лай
 Смущает полночь Ак-Сарая.

<1907>

14

КЛАД

Все, что хранит следы давно забытых,
 Давно умерших, — будет жить века.
 В могильных кладах, древними зарытых,
 Поет полночная тоска.

Степные звезды помнят, как светили
 Тем, что теперь в сырой земле лежат...
 Не Смерть страшна, а то, что на могиле
 Смерть стережет певучий клад.

<1908>

15

МОЛЧАНИЕ

По раскаленному ущелью,
 Долиной Смерти и Огня,
 В нагую каменную келью
 Пустынный Ангел ввел меня.

Он повелел зажечь лампаду,
 Иссечь на камне знак Креста —
 И тихо положил преграду
 На буйные мои уста.

Так, господи! Ничтожным словом
 Не оскверню души моей.
 Я знаю: ты в огне громовом
 Уже не спишь на людей!

Ты не рассеешь по вселенной,
 Как прах пустынь, как некий тлен,
 Род кровожадный и презренный
 В грызне скатавшихся гиен!

<6.II.1916>

16

Никогда вы не воскреснете, не встанете
 Из гнилых своих гробов!
 Никогда на божий лик не глянете,
 Ибо нет восстанья для рабов —
 Темных слуг корысти, злобы, ярости,
 Мести, страха, похоти и лжи,
 Тучных тел и скучной, грязной старости:
 Закопали — и лежи!

27.VI.1916

17

По древнему унывному распеву
 Поет собор. Злаченные столпы
 Блестят из тьмы. Бог, пригвожденный к дереву,
 Почил — и се, в огнях, среди толпы.

И дьявол тут. Теперь он входит смело
 И смело зрит простертое пред ним,
 Нагое зеленеющее тело,
 Костры свечей и погребальный дым.

Он радостен, он шепчет, торжествуя:
 На долгий срок ваш бог покинул вас,
 Притворное рыданье ваше вскуе,
 Далек воскресный час!

27.VI.16

18

И шли века и стены Рая пали,
 И Сад его заглох и одичал,
 И по ночам зверей уж не пугали
 Блистания небесного Меча,
 И Человек вернулся к Раю, — вскуе
 Хотел забыть свой золотой он сон —
 И Сатана, злорадно торжествуя,
 Воздвиг на месте Рая — Вавилон.

29.VI.16

19

И снова вечер, степь и четко
 Бьет перепел в росе полей.
 Равнина к югу в дымке кроткой,
 Как море дальнее, а в ней, —
 Что в ней томит? Воспоминанья
 О том, чему возврата нет,
 Призыв на новые скитанья
 Иль прошлого туманный след?

3. VII. 1916. Харьков,
в поле.

33

И снова вечер, степь, и ты
Ты, печаль и прот поля.
Равнина и югу и долина степей,
Как море дальнее... и в ней —
Томо Свистя и ней? Воспоминанья
В той, тыю вобража иже?
Притворя на полове сибирь и
Нико промолви ~~молвила~~ сугр?
— Ты, молодость моя! Ты, годы
Надежд, сердечной простоты;
Безопасной воли и свободы,
Счастливой грусти и мечты;
Какой-то край обетованный,
Какой-то вечер в той стране,
«Где кипарис благоуханный
Внимает плещущей волне»,
И ты, заветный и неясный
Неверный друг, кого опять
В тоске вечерней жду напрасно
И буду до могилы ждать.

«И СНОВА ВЕЧЕР, СТЕПЬ, И
ЧЕТКО...»

Автограф. Сверху дата: «3.VII.1916.
Вечером, в поле»

Центральный архив литературы и
искусства, Москва

— Ты, молодость моя, вы, годы
Надежд, сердечной простоты,
Безопасной воли и свободы,
Счастливой грусти и мечты, —
Какой-то край обетованный,
Какой-то вечер в той стране,
«Где кипарис благоуханный
Внимает плещущей волне», —
И ты, заветный и неясный
Неверный друг, кого опять
В тоске вечерней жду напрасно
И буду до могилы ждать.

<3 июля 1916 г.>

20

Снег дымился в раскрытой могиле,
Белой выюгой несло по плечам,
Гроб в дымящийся снег опустили,
Полотенца пошли копачам,

И сугроб над могилкою вырос,
И погост опустел — и гремел
В полумраке невидимый клирос
О тщете всех желаний и дел,

Подкрашенные <желтые> седины
 Страшней всего. О да, он в мире жил
 И был он стар, дикарь и царь, единый
 Царь дикарей, боготворивших Нил.

И полдень был, и светел в знойном свете
 Был сад царя, и к югу, в блеске дня,
 Терялся Нил... И пять тысячелетий
 Прошли с тех пор... Прошли и для меня:

Луна и ночь, но все на том же Ниле,
 И вновь царю сияет лунный Нил —
 И разве мы в тот полдень с ним не жили,
 И разве я тот полдень позабыл?

22.VII.16

22

В РОЩАХ УРВЕЛЫ

«Ты ль повинна, Майя, что презрела
 Сын родной твое земное лоно,—
 Рощи, реки, радость небосклона,
 Красоту и сладость женских тел?
 Ты ль повинна, Майя, что один
 Человек отраву слез роняет?»

Майя очи долу преклоняет:
 «Может быть, мудрей меня мой Сын?»

23.VII.16

23

Нет Колеса на свете, Господин:
 Нет Колеса: есть обод, втулок, спицы,
 Есть лошадь, путь, желание возницы,
 Есть грохот, стук и блеск железных шин.

А мир, а мы? Мы разве не похожи
 На Колесо? Похож и ты — как все.
 Но есть и то, что всех Колес дороже:
 Есть Мысль о Колесе.

25.VII.16

24

На всякой высоте прельщает сатана.
 Вот всё внизу, все царства мира —
 И я преображен. Душе моей дана
 Как бы незримая порфира.

Не я ли царь и бог? Не мне ли честь и дань?
 Каким великим кругозором
 Синее даль окрест! И где меж ними грань —
 Горой Соблазна и Фавором?

<Июнь — июль 1916 г.>

25

Качаюсь, плескаюсь — и с шумом встаю
 Прозрачно-зеленой громадою —
 В лазурь бы плеснуть моему острию,
 До солнца! — Но я уже падаю.

И снова расту и, качаясь, бегу —
 Зачем? Чтобы радостно вскинуться,
 Блеснуть, вознестись на пустом берегу —
 И в смертную бездну низринуться!

14.VIII. 1916

26

Ты высоко, ты в розовом свете зари,
 А внизу, в глубине, где сырей и темней,
 В узкой улице — бледная зелень огней,
 В два ряда неподвижно блестят фонари.

В узкой улице — сумерки, сизо, темно,
 А сверху — свет зари — и открыто окно:
 Ты глядишь из окна, как смешал Петроград
 С мутью дыма и крыш мгристо-алый закат.

<1914—1917>

27

Дует ветер, море хлеба,
 Где тону я, всё в волненьи,
 Меж колосьев смотрит с неба
 Полнолуние в изумленьи.
 Я пою, а ветер носит
 Песню глупую, что смело
 По лицу луны колосья
 Задевает то и дело.

Ночь, лето 17 г.

28

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ

Возьмет господь у вас
 Всю вашу мощь, отнимет трость и посох,
 Питье и хлеб, пророка и судью,
 Вельможу и советника. Возьмет
 Господь у вас ученых и мудрейших,
 Художников и искушенных в слове.
 В начальники над городом поставит
 Он отроков, и дети ваши будут
 Главенствовать над вами. И народы
 Восстанут друг на друга, дабы каждый
 Был нищ и угнетаем. И над старцем

Глумиться будет юноша, а смерд —
 Над прежним царедворцем. И падет
 Сион во прах, зане язык его
 И всякое деянье — срам и мерзость
 Пред господом, и выражение лиц
 Свидетельствует против них, и смело,
 Как некогда в Содоме, величают
 Они свой грех.— Народ мой! На погибель
 Вели тебя твои поводыри!

<1918>

29

Темень. Холод. Предрассветный
 Ранний час.
 Храм невзрачный, неприметный,
 В узких окнах россыпь красных глаз.

Нищие в лохмотья руки прячут,
 С паперти глядят в стекло дверей,
 В храме стены потом плачут,
 Тусклы ризы алтарей.

Обеднела, оскудела паперть.
 Но и в храме скорбь и пустота.
 Черная престол покрыла скатерть,
 За завесой царские врата.

Вот подрясник странника-расстриги.
 Он в скуфейке, длинный и прямой,
 Рыжий ранец, палку и вериги
 В храм приносит нагло, как домой.

Вот в углу, где княжий гроб, под красной
 Трепетной лампадой, на полу
 Молится старушка, в муке страстной
 Всю щепоть прижав к челу.

Магушка! Убогая, простая,
 Бедная душа! Молись! Молись!
 Чуть светает эта ночь глухая,
 И лишь ты одна глядишь, вздыхая,
 С теплой верой в сумрачную высь.

Темень. Холод. Буйных галок
 Ранний крик.
 Древний город темен, мрачен, жалок...
 И велик!

<12.IX.19>

30

ИЗГНАНИЕ

Темнеют, свищут сумерки в пустыне.
Поля и океан...

Кто утолит в пустыне, на чужбине
Боль крестных ран?

Гляжу вперед на черное распятие
Среди дорог —

И простирает скорбные объятия
Почивший бог.

Бретань, 1920

31

Ночью, в темном саду, постоял вдалеке,
Посмотрел в мезонин освещенный:
Вот ушла... вот вернулась — уже налегке
И с косой на плече, заплетенной.

«Вспомни прежнее! Вспомни, как тут...»
Не спеша, лишь собой занятая,
Потушила огонь... И поют,
И поют соловьи, изнывая.

Темен дом, полночь в тихом саду.
Помолись под небесною бездной,
На заветную глядя звезду
В белой россыпи звездной.

16.X.38

32

Ты жила в тишине и покое.
По старинке желтели обои,
Мелом низкий белел потолок,
И глядело окно на восток.

Зимним утром, лишь солнце всходило,
У тебя уже весело было:
Свет горячий слепит на полу,
Печка жарко пылает в углу.

Книги в шкапе стояли, в порядке
На конторке лежали тетрадки,
На столе сладко пахли цветы...
«Счастье жалкое!» — думала ты.

18.X.38

33

Один я был в полночном мире,—
Я до рассвета не уснул.
Слышней, торжественней и шире
Шел моря отдаленный гул.

Один я был во всей вселенной,
Я был как бог ее — и мне,
Лишь мне звучал тот довременный
Глас бездны в гулкой тишине.

6.XI.38

34

Под окном бродила и скучала,
Подходила, горестно молчала...
А ведь я и сам был рад
Положить перо покорно,
Выскочить в окно проворно,
Увести тебя в весенний сад.
Там однажды я тебе признался,—
Плача и смеясь, пообещался:
«Если встретимся в саду в раю,
На какой-нибудь дорожке,
Поклонюсь тебе я в ножки
За любовь мою».

6.XI.38

35

И снова ночь, и снова под луной
Степной обрыв, пустынный и волнистый,
И у побережья тускло-золотистый
Печальный блеск, играющий с волной,
И снова там, куда течет, струится,
Все ширясь, золотая полоса,
Где под луной так ясны небеса,
Могильный холм из сумрака круглится.

36

Ночь и дождь, <и> в доме лишь одно
Светится в сырую тьму окно,
И стоит, молчит гнилой, холодный дом,
Точно склеп на кладбище глухом,
Склеп, где уж давно истлели мертвецы,
Прадеды, и деды, и отцы,
Где забыт один слепой ночник
И на лавке в шапке спит старик,
Переживший всех господ своих,
Друг, свидетель наших дней былых.

(Ночью, засыпая)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Правда», 1905, № 12, стр. 23 — в составе цикла «Лирические картины» (1. Эйгер; 2. Канны — № 8 настоящ. публикации; 3. На винограднике — Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 230). Впервые: «Курьер», 1901, № 312, 11 ноября — под названием «В Альпах (Рассвет)», с датой «Гриндельвальд, XI.1900» и разночтениями в строках 5 и 6.

Дата уточняется по времени поездки Бунина в Швейцарию, описание которой см. в письмах брату Юлию (18 ноября 1900 г. — «Новый мир», 1956, № 10, стр. 207—209) и В. Я. Брюсову (18 ноября 1900 г. — настоящ. кн., стр. 451).

Эйгер (Айгер) — одна из вершин Бернских Альп.

2. «Отдых», 1900, № 12 (октябрь), стр. 431.

Датируется по первой публикации.

3. «Отдых», 1901, № 10, стр. 381. Автограф: ГМТ, 981, л. 20—21; без разночтений.

Датируется по первой публикации.

4. «Журнал для всех». СПб., 1902, № 9, стлб. 1035.

Датируется по первой публикации.

Фантастические пейзажи известного швейцарского живописца Арнольда Бёклина (1827—1901) пользовались большой популярностью в конце XIX века. Самые известные из них — «Остров мертвых», «Руины у моря», «Обитель блаженных», «Вилла у моря», «Морская идиллия» — Бунин видел в ноябре 1900 г. в Мюнхене. «Картины Бёклина замечательны», — писал он оттуда брату, а 17 ноября 1901 г. в московском «Литературном кружке» состоялась его лекция о нем («Материалы», стр. 81, 84).

5. «Правда», 1904, № 3, стр. 35. Автограф: ГМТ, 981, л. 5; без даты, с разночтениями в строках 2, 3, 5.

Датируется по первой публикации. Возможно, что стихотворение навеяно впечатлениями от поездки в Италию (январь — февраль 1904 г. — см. «Материалы», стр. 91—92).

6. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г.

Впервые опубликовано в 1967 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

7. «Ежемесячный журнал», 1904, № 9, стр. 707.

Датируется по первой публикации.

8. «Правда», 1905, № 12, стр. 23 — в составе цикла «Лирические картины» (см. примеч. к № 1 настоящ. публикации).

Датируется предположительно: стихотворение посвящено воспоминаниям о первой поездке Бунина на юг Франции и в Италию (январь — февраль 1904 г.).

Начало последней строфы — реминисценция из стихотворения Пушкина «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...» (ср.: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...»)

9. «Правда», 1905, № 7, стр. 1.

Датируется по первой публикации.

10. Автограф: ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 10, л. 3; на обороте рукой Бунина (1930—1940-е годы): «В газете „Курьер“». В этой газете стихотворение не обнаружено.

11. Автограф: собрание К. П. Пушешниковой, Москва.

12. Автограф: собрание К. П. Пушешниковой, Москва.

13. «Наш мир», Берлин, 1924, № 11, 1 июня; в составе цикла «Восток», куда вошли также «Мираж» («Пустыня в тусклом жарком свете...»), «Казбек» («Стена горы — до небосвода...») и «Кобылица» — Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 381, 402, 435.

На основе этого стихотворения, использовав его первую строфу, Бунин создал новое, самостоятельное по мысли произведение («Чалма на мудром — как луна...» — Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 277). Эти новые стихи имеют авторскую дату «1907», что позволяет датировать этим годом и публикуемое стихотворение.

14. «Современный мир», 1908, № 12, стр. 22.

Датируется по первой публикации.

Возможно, что это стихотворение связано с изречением Саади: «У всякого клада лежит стерегущий оный клад стоглавый змей» («Гулистан»). Обстоятельства, при которых Бунин впервые услышал эти слова, описаны им в автобиографической заметке «Из записей» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 277—278). Об отношении Бунина к поэзии Саади см. настоящ. кн., стр. 222—223.

15. «Русская газета», Париж, 1924, № 97, 17 августа, вместе со стихами: «Возьмет господь у вас...» (см. № 28), «На гноище» («У ворот Сиона, над Кедром...») — Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 443) — под общим заглавием «Из книги пророка Исаии».

Впервые: газ. «Слову — свобода!», 1917, 10 декабря.

Автограф: ЦГАЛИ, тетрадь 1915—1917 гг., стр. 110; с авторской правкой и датой «6.II.1916».

16. Автограф: ЦГАЛИ, тетрадь 1915—1917 гг., стр. 54.

Впервые опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке, по материалам Парижского архива Бунина, тетрадь 1943 г., с той же датой и с незначительными разночтениями в строке 3 и в знаках препинания. Печатается по автографу.

17. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г. Впервые опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

Существуют две ранние рукописные редакции этого стихотворения — в черновом автографе, озаглавленном «Плащаница» (ЦГАЛИ, тетрадь 1915—1917 гг., стр. 66, с датой «28.VI.1916»), и печатный текст («Одесский листок», 1919, № 127, 25 сентября, в составе цикла «Русь»: 1. «Мученица» — см. Собр. соч. 1965—1967, т. 8, стр. 23, под названием «Древний образ»; 2. «Во полунощи» — см. настоящ. кн., стр. 196; 3. «Плащаница»).

Сопоставление всех трех редакций позволяет проследить процесс работы Бунина над этим стихотворением.

Черновой автограф отражает два этапа. Сначала были написаны первые 11 строк:

ПЛАЩАНИЦА

По древнему унывному распеву
Поют [соборне] собором черные попы:
Почил в скорбях бог, пригвожденный к древу,
Вот одр его — в огнях, среди толпы.

И дьявол тут. Теперь он входит смело,
Стоит [глядит] меж нас: на пелене пред ним
Нагое зеленеющее тело
И [скорбный] мертвый лик, незряч и недвижим.

Слезится воск, блестят во тьме столпы.
Томят укором Каина и Еву
С привычной заунывностью попы.

Через некоторое время — когда именно, установить трудно — Бунин возвратился к незаконченному наброску и переделал его:

ПЛАЩАНИЦА

По древнему унывному распеву
Поют собором черные попы:
Се наш г<осподь>, б<ог>, пригвожденный к древу,
Се одр его — в огнях среди толпы.

И Дьявол тут. Теперь он входит смело
И смело зрит простертое пред ним
Нагое зеленеющее тело,
Костры свечей и тонкий синий дым.

По древнему ун<ывному> расп<еву>
Рыдает клир. Злаченные столпы
Блестят из тьмы. То К<аина>, то Е<ву>
Томят укором черные попы.

А он глядит, злорадно торжествуя:
На долгий срок ваш б<ог> покинул вас,
Притворное рыданье ваше вскуе,
И далеко воскресный час.

Печатная редакция 1919 года сильно отличается от чернового автографа:

ПЛАЩАНИЦА

По древнему унывному распеву
Поют соборне черные попы.
Почил господь, гвоздями прибитый к Древу,
Вот смертный одр — в огнях, среди толпы.
И Дьявол тут. Теперь он входит смело,
Стоит меж нас: на пелене пред ним —

Нагое зеленеющее тело,
 Господь лежит незряч и недвижим.
 Господь почил, гвоздями прибитый к Древу.
 Слезится воск, блестят во тьме столпы.
 По древнему унывному распеву
 Поют соборне черные попы.

Окончательный текст стихотворения, зафиксированный в буинской тетради 1943 г., представляет самостоятельное произведение с элементами контаминации двух предыдущих редакций.

18. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г.

Впервые опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации. Черновой автограф: ЦГАЛИ, тетрадь 1915—1917 гг., стр. 81; с датой «29.VI.1916» и с разночтениями в строках 4 и 6.

19. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г.

Впервые опубликовано в 1967 г. в Нью-Йорке, с датой «1900 г.» Автограф: ЦГАЛИ, тетрадь 1915—1917 гг., стр. 93, с датой «3.VII.1916. Вечером в поле»; имеет другое окончание и разночтения в строках 5 и 11.

Печатается по нью-йоркской публикации, с исправлением даты по автографу—место его среди других стихотворений в тетради 1915—1917 гг. и наличие авторской даты дают основание предполагать, что в датировку здесь вкралась ошибка.

20. Автограф: ЦГАЛИ, тетрадь 1915—1917 гг., стр. 95, с датой «7.VII.1916».

Впервые: опубликовано в 1967 г. в Нью-Йорке, по материалам Парижского архива Бунина (тетрадь 1943); с датой «1888 г.», с пропуском строки 9 и разночтением в строке 16.

Печатается и датируется по автографу: место его среди других стихотворений в тетради 1915—1917 гг., наличие авторской датировки, а также неточность в нью-йоркской публикации, дают основание считать дату, указанную в ней, ошибочной.

21. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г.

Впервые опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

22. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г.

Впервые опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации. *Роца Урвель* (Урувелы) — священная роца Джетавана, где, по индийскому преданию, Будда был озарен благодатью (см. Собр. соч. 1965—1967, т. 5, стр. 135—136). Бунин принял за название роци словосочетание «уру вела», что значит «бамбуковая роца».

Майя — иллюзия (индийское учение Майя исходит из представления о том, что весь материальный мир, в том числе и человек, иллюзорен, истинно лишь духовное начало). Кроме того, Майя — имя матери Будды. Здесь это слово может быть истолковано в обоих своих значениях, что отвечает одной из главных особенностей индийской поэзии, для которой характерна многозначность слов и образов.

23. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г.

Впервые опубликовано в 1967 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

Колесо («Колесо Закона» или «Колесо Справедливости») — в буддийской философии символ справедливой и вечной системы мироздания с неразрывной связью вещей и явлений, пребывающих в вечном круговом движении. По преданию «Колесо» было приведено в движение Буддой. В индийской философии и литературе с понятием «Колеса» связаны и другие символы: колесница, путь, возница, лошадь (например, «Великая колесница» и «Малая колесница» — два учения, на которые распадается буддизм). Как и в предыдущем стихотворении (№ 22), Бунин использует здесь типичную особенность индийской поэзии — многозначность образов, а также характерную для этой поэзии форму обращения к собеседнику*.

Втулок (втулка) — форма, употреблявшаяся в говорах Орловской, Тульской и Воронежской губерний.

24. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г., без даты.

Впервые опубликовано в 1968 г. Нью-Йорке. Печатается по этой публикации. Датируется предположительно по содержанию, связывающему это стихотворение с циклом философских стихов, написанных в июне—июле 1916 г. (см. № 15—18, 20—23 настоящей публикации).

В основе стихотворения лежит евангельское предание о мирских соблазнах, которым сатана подверг удалившегося в пустыню Христа. Преодолев все соблазны сатаны, Христос поднялся на гору Фавор, где беседовал с богом, — отсюда выражение «свет фаворский», символизирующее победу духовного начала над мирскими страстями человека.

* Примечания: *Роци Урвель*, *Майя*, *Колесо* — сообщены Н. А. Вишневецкой.

25. Автограф: ЦГАЛИ, тетрадь 1915—1917 г., стр. 119.

Впервые опубликовано в 1960 г. в Нью-Йорке, по материалам Парижского архива Бунина (с отдельными разночтениями в знаках препинания и с датой: «27.VIII.16. Ночь, засыпая»)

26. Парижский архив Бунина.

Впервые опубликовано в 1960 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации. Датируется по упоминанию о Петрограде, получившем это наименование в 1914 г.

27. Парижский архив Бунина.

Впервые опубликовано в 1960 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

28. «Русская газета», Париж, 1924, № 97, 17 августа.

Впервые: «Киевская мысль», 1918.

Датируется по первой публикации.

29. Автограф: ГБЛ. 356. 10.5. На обороте рукой Бунина: «Передать А. Б. Дерману»*.

Судя по этой надписи, лист с текстом стихотворения был отправлен Дерману, который находился тогда в Симферополе, с какой-то оказией, а не по почте, как это было в 1918 г., когда Бунин переписывался с Дерманом и послал ему для альманаха «Отчизна» пятнадцать стихотворений, составивших цикл «Путевая книга» (см. Собр. соч. 1965—1967, т. 8, стр. 423—424). Мы не располагаем данными о том, удалось ли Дерману напечатать тогда это стихотворение в каком-либо из крымских изданий. Остается неустановленным, публиковал ли его позднее, в первые годы эмиграции, сам Бунин. Известно лишь, что оно было включено им в сборник «Роза Иерихона» (Берлин, 1924) — под заглавием: «Москва» и датой: «12.IX.19». Авторская датировка позволяет определить приблизительное время отсылки стихотворения Дерману. Это могло произойти не ранее середины сентября 1919 г. и не позднее 26 января/7 февраля 1920 г., когда Бунины покинули Одессу, уехав в эмиграцию.

Стихотворение должно было войти, очевидно, в цикл «стихов о российских городах», мысль о котором возникла в переписке Бунина с Дерманом, — упоминание об этом цикле мы находим в письме к Дерману от 28 февраля/13 марта 1919 г. (см. «Материалы», стр. 213).

Текст стихотворения в сб. «Роза Иерихона» значительно отличается от того, который сохранился в автографе. Помимо мелких исправлений, Бунин переработал вторую строфу и поставил ее после третьей, которая заняла место второй. В новом виде строфа читалась так:

В храме стены потом плачут,
Тусклы ризы алтарей.
Нищие в лохмотья руки прячут,
Робко жмутся у дверей.

Четвертая строфа была исключена, а начало пятой несколько изменено:

А в сторонке, в уголке, под красной
Грустною лампадой, на полу...

Последние две строки стихотворения приобрели в редакции 1924 г. такой вид:

Снежный город древен, мрачен, жалок,
Нищ и дик.

Эта новая концовка стихотворения отражала несомненно взгляды Бунина-эмигранта в начале 1920-х годов, когда он занимал особенно резкие и непримиримые позиции по отношению к Советской России и всему, что было с ней связано.

Стихотворение «Москва» было позднее включено Буниным в Собр. соч. 1934—1936. Он сохранил здесь текст 1924 г., вычеркнув только две строфы о молящейся старушке

30. Парижский архив Бунина. Впервые опубликовано в 1964 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

31. Парижский архив Бунина. Впервые опубликовано в 1960 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

32. Парижский архив Бунина. Впервые опубликовано в 1960 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

33—34. Парижский архив Бунина. Впервые опубликовано в 1967 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

35—36. Парижский архив Бунина. Впервые опубликовано в 1960 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

* Стихотворение было впервые опубликовано нами по автографу в журн. «Дружба народов», 1968, № 10, стр. 282. Однако по вине редакции оно было напечатано с ошибками и неточностями. — О. С.

ПОЗДНЕЙШИЕ РЕДАКЦИИ СТИХОВ,
ИЗВЕСТНЫХ ПО БОЛЕЕ РАННИМ ПУБЛИКАЦИЯМ

1

БУРЯ

Истомлена полдневным зноем,
В немой тоске земля ждала,
Чтоб ночь прохладой и покоем
Ее во мраке обняла *.
Но солнце жгло с небес лучами,
И вот, в затишьи гробовом,
Востала Буря над волнами,
Бледнея в гневе роковом.
И, вспыхнув, взор ее орлиный
От грозной страсти потемнел,
И ветер *бурно* налетел,
Промчавшись *в море* зыбью длинной,
И в горных соснах, *меж ветвей,*
Завыл в *веселье* горделивом...
О, не страшись его — смелей
Грудь *подставляй* его порывам!
Пусть бьются волны об утес,
Пусть резким холодом пахнуло,
И тьма растет, и альбатрос
Кричит к беде среди тьмы и гула —
То жизни пир, — ее побед
Канун, грозю омраченный...
Из мрака бури солнца свет
Опять взойдет, но обновленный!

<1895—1898>

2

Луна над шумною Курюю
И над огнями за Курой,
Тифлис под лунною чадрою,
Но дышит *каменной* жарой.
Тифлис не спит, счастливый, праздный,
Смех, говор, музыка в садах,
А там — мерцает блеск алмазный
На еле видимых хребтах.
Уйдя в туман, на север дальний
Громадами снегов и льдин,
Они все строже, все печальней
Глядят на лунный *дым* долин.

1904 г.

* Здесь и далее курсивом выделены места, подвергшиеся переработке.— *Ред.*

3

ВО ПОЛУНОЩИ

В сосудах тонких и прозрачных
 Сквозит елей, огни горят.
 Жених идет в одеждах брачных.
 Невесты долу клонят взгляд.
 И льется трепет серебристый
 На лица радостные их:
 — Благословенный и пречистый!
 Взойди в приют рабынь твоих!
Не много нас, елей хранивших
Для тьмы, обещанной тобой.
Не много верных, не забывших,
Что встанет день над этой тьмой!

<2 сентября 1915 г.— сентябрь 1919 г.>

4

ВЕНЧИК

Колокола переводили,
 Кадили на *открытый* гроб —
 И венчик розовый лепили
 На костяной лимонный лоб.

И лишь пристал он и с поклоном
 Назад священник отступил,
Труп приобщился вдруг иконам,
 Святым и холоду могил.

В тлетворной сладости, смердящей
От гроба, дыма и цветов,
Пышнее стал сухой, блестящий
Из золотой парчи покров —

И пала тень ресниц чернее,
 И обострились черты:
 Несть часа на земле страшнее
 И несть грознее красоты.

3.VI.16

5

В столетнем мраке черной ели
Истлела темная заря
 И светляки в кустах горели
 Зеленым дымом янтаря.
И на скамье сидел я старой,
И парка сумеречный сон
Меня баюкал смутной чарой
Далеких дедовских времен.

И ты играла в темной зале
 С открытой дверью на балкон,
 И пела грусть твоей рояли
 Про невозвратный небосклон,
 Что был над *садом* — бледный, ровный,
 Ночной, июньский, — *тот*, где след
 Души счастливой и любовной,
 Души моих далеких лет.

16.VII.16

6

Иконку, черную дощечку
 Нашли в земле, — пахали *новь*...
 Кто перед *ней затеплил свечку*,
Свою и горесть и любовь?
 Кто освятил ее своею
 Молитвой нищего, раба —
 И посох взял и вышел с нею
 На степь, в шумящие хлеба —
 И поклоняясь *вихрям* знойным,
 Стрибожьим внукам, водрузил
 Над полем пыльным, беспокойным
Ее щитом небесных сил?

Во сне, 21.7.1916

7

Бледна приморская страна,
 Луною озаренная.
 Низка луна, ярка волна,
 По гребням позлащенная.

Волна *сияет* вдалеке
 Чеканною кольчугою.
 Моряк печальный на песке
 Сидит с своей подругою.

Часы последние для них! —
 Все ярче дюны светятся.
 Они невеста и жених,
 А вновь когда-то встретятся?

Полночная луна глядит
 И думает со скукою:
 «В который раз он тут сидит, —
Целует пред разлукою?»

И впрямь: идут, бегут века,
 Сменяют поколения —
 Моряк сидит! В глазах тоска,
Восторг и восхищение...

*Жизнь промелькнула как во сне.
И вот уж утро раннее
Виски посеребрило мне
И стала даль туманнее.*

*А все в душе восторг и боль
И все-то вспоминается,
Как горьких слез тепло и соль
Со зноем уст мешается!*

22.VII.16

8

СТАРАЯ ЯБЛОНЯ

*Вся в снегу, кудрявом, благовонном,
Вся-то ты гудишь блаженным звоном
Пчел и ос, от солнца золотых.
Старисься, подруга дорогая?
Не беда! Вот будет ли такая
Молодая старость у других!*

1916

9

СИРИУС

*Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
Снегов и лунной высоты?*

*Где молодость, простая, чистая,
В кругу любимом и родном,
И старый дом, и ель смолистая
В сугробах белых под окном?*

*Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моей могилою,
Забытой богом навсегда!*

22.VIII.22

10

КАИР

*В жарком золоте заката Пирамиды,
Вдоль по Нилу, на утеху иностранцам,
Светят в воду шелком парусные лодки
И бежит с Луксора белый пароход.
Это час, когда повсюду пальмы чётки
И в Каире окна блещут алым глянецом
И хедив в ландо катается и гида
Отдыхают по кофейням от господ.*

«СИРИУС»

Авторская правка в сборнике
«Избранные стихи» (Париж, 1929)

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького АН СССР,
Москва

220

СИРИУСЪ

Гдѣ ты, звезда моя заветная,
Вѣнецъ небесной красоты?
Очарованье безотвѣтное
Снѣговъ и лунной высоты?

~~Гдѣ ты, сжаренъ-полночнымъ
Въ равнинахъ сѣверныхъ и чужихъ,
Вѣнецъ, думы недрогнущая
И разрозненъ-вымысловъ мойка?~~

Пылай, играй стоицвѣтной силою,
Неугасимая звезда,
Надъ дальнею моею могилкою,
Забвтой Богомъ навсегда!

22. VII. 22.

186.

Тѣбѣ, молодой, простой, чистой,
Въ кругу любви твоей и родины,
И старынъ домовъ и сѣль старинная
Въ суровыхъ бѣлкахъ подъ окномъ?

А сиреневые дали Нила к югу,
К дикой Нубии, к Порогам, смутны, зыбки
И все так же миру чужды, заповедны,
Как при Хуфу, при Камбизе... Я привез
Лук оттуда и колчан зелено-медный,
Щит из кожи носорога, дротик гибкий,
Мех пантеры и суданскую кольчугу,
Но на что все это мне — вопрос.

<1915—1953>

11

АВГУСТ

Как много звезд на тусклой синеве!
Весь небосклон в их траурном уборе.
Степь выжжена. Густая пыль в траве.
Чернеет сад. За ним — обрывы, море.
Оно молчит. Весь мир молчит — затем,
Что в мире бог, а бог от века нем.

Сажусь на камень теплого балкона.
Он озарен могильно, — бледный свет
Разлит от звезд. Не слышно даже звона
Ночных цикад... Да, в мире жизни нет.
Есть только бог над горными огнями,
Но бог не жизнь... Кто он, несметный днями?

Он страшен мне. Он слишком величав
И слишком необъятен. Он молчанье,
Он штиль морей и пыль сожженных трав,
Он черный сад и бледных звезд сиянье.
Он разум мой, мне чуждый, — оттого,
Что разум мой не любит ничего.

И это я, столь чувствующий землю
В ее осенней сладкой теплоте,
И это я, любовью полный, внемлю
Его пустой и холодной немоте!
И это я и должен, и не смею
Сказать себе: ты будешь, будешь ею!

<1917—1952>

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Южное обозрение», 1898. № 517, 4 июля.

В Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 459—460) напечатано по первой публикации в журн. «Наблюдатель», 1895, № 6.

2. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г. Опубликовано в 1967 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

В Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 472—473) напечатано по первой публикации в газ. «Возрождение», 1926, № 359, 27 мая.

3. «Одесский листок», 1919, № 127, 25 сентября.

В Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 467) напечатано по автографу (тетрадь 1915—1917 гг.). Автограф имеет дату: «2.IX.1915» и название «Се жених грядет»; заключительное четверостишие в нем отсутствует.

4. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г. Опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

В Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 470) напечатано по автографу: (тетрадь 1915—1917 гг.). Третья строфа в автографе зачеркнута; Бунин восстановил ее в 1943 г. в иной редакции (ср. «*Бышнее кажется блестящий/Парчовый золотой покров*»).

Переводить — звонить по покойнику (орловск.).

5. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г. Опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

В Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 283) напечатано по первой публикации в сб.: Ив. Б у н и н. Митина любовь. Париж, 1925. Последняя редакция значительно отличается от этого текста, в котором, помимо отдельных разночтений, отсутствуют строки 5—8 и стоит иная дата — «1907».

Автограф (тетрадь 1915—1917 гг.) имеет другие разночтения с последней редакцией — они есть в строках 1—2, 5—6, 10—12; строки 13—16 в нем отсутствуют. Автограф не датирован, однако его положение среди стихотворений 1916 г. подтверждает дату, поставленную в редакции 1943 г.

Сопоставление всех трех источников показывает, что в 1943 г. Бунин контаминировал две предыдущие редакции.

6. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г. Опубликовано в 1967 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

В Собр. соч. (1965—1967, т. 8, стр. 30—31) напечатано по первой публикации в газ. «Южное слово», 1919, № 98, 13 декабря; здесь стихотворение озаглавлено «Иконка», имеет ряд разночтений с последней публикацией, дата отсутствует.

Автограф (тетрадь 1915—1917 гг.) имеет дату «21.VII.1916, ночью». В остальном почти совпадает с текстом первой публикации.

7. Парижский архив Бунина, тетрадь 1943 г. Опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке. Печатается по этой публикации.

В Собр. соч. (1965—1967, т. 8, стр. 34—35) напечатано по первой публикации в газ. «Возрождение», 1927, № 786, 28 июля. Текст ее значительно отличается от последней редакции: стихотворение озаглавлено «Разлука», дата отсутствует, отсутствуют и заключительные восемь строк.

8. Вырезка из сб.: Ив. Б у н и н. Митина любовь. Париж, 1925; с авторской правкой в третьей строке. Дата проставлена рукой Бунина, на полях — его помета: «Руль» (ШГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 5).

В Собр. соч. (1965—1967, т. 1, стр. 438) напечатано по тому же сборнику, но без учета последующей правки.

9. Ив. Б у н и н. Избранные стихи. Париж, 1929; экземпляр с авторской правкой Бунина, сделанной в начале 1950-х годов (ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 67).

К этому стихотворению Бунин возвращался неоднократно. В первой редакции (альманах «Окно», кн. 1, Париж, 1923) оно состояло из четырех строф. Печатаемая «Сириус» в сб. «Избранные стихи» (Париж, 1929), Бунин исключил вторую строфу:

Где молодость, простая, чистая,
В кругу любимом и родном,
И ветхий дом, и ель смолистая
Среди сугробов за окном?

В этой редакции (из трех строф) стихотворение вошло в Собр. соч. 1934—1936 и в Собр. соч. 1965—1967, т. 8, стр. 13; первую редакцию см. там же — стр. 425. Возвратившись к нему в конце жизни, Бунин зачеркнул вторую строфу («Где вы, скитания полночные...») и заменил ее отвергнутыми некогда строками, несколько их изменив.

10. Парижский архив Бунина. Опубликовано в 1953 г. в Нью-Йорке, с примечанием редакции: «Это стихотворение — новый вариант старого стихотворения И. А. Бунина». Печатается по этой публикации.

В Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 376) напечатано по тексту Собр. соч. 1934—1936 (т. VI), где оно опубликовано без заглавия, имеет ряд разночтений с последней редакцией и дату «13.IX.15».

11. Ив. Б у н и н. Весной в Иудее. — Роза Иерихона <1952>, автограф: ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 12.

Впервые в этой редакции «Август» был опубликован в сб. «Эпоха» (СПб., 1918), затем в книге: Иван Б у н и н. Роза Иерихона. Берлин, 1924. Позднее Бунин отказался от названия, отбросил две завершающие строфы и в таком виде включил его в свой сборник «Избранные стихи». Париж, 1929. В этой редакции стихотворение напечатано в Собр. соч. 1965—1967 (т. 1, стр. 441; завершающие строфы включены в отдел «Из ранних редакций» — стр. 499). В 1952 г. Бунин восстановил первоначальный текст, включив «Август» в состав рукописи своего последнего сборника, что дает право считать первоначальную редакцию вместе с тем и окончательной. В печатный текст сборника (Нью-Йорк, 1953) «Август» не вошел.

ПЕРЕВОДЫ

С А Н Г Л И Й С К О Г О

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

1

Я видал твои слезы. Осталась
На очах твоих светлых одна;
Как роса на фиалке, качалась
И дрожала тихонько она.

Я видал и улыбку. Не смели
И сапфиры равняться бы с ней
И с лучами, что ярко блестели
На лазури прекрасных очей.

Как на туче блестя омраченной,
Солнце розовый цвет ей дает,
Так улыбка душе огорченной
И отраду и счастье прольет.